

— ТЮЗ — это не совсем точно. Мы отстаиваем право называться молодежным театром.

Дело в том, что почти все наши спектакли более широкого, не подросткового направления. Нам близок разговор о полете фантазии (спектакль «Барьер»), нельзя обойти молчанием проблемы, волнующие молодежь на западе («Прищучил»), интересен разговор о современной поэзии («Нерв»). Спектакль «Нерв» можно назвать программным для нашей студии. Стихи Владимира Семеновича Высоцкого, его разговор о проблемах современности нам очень близки.

Нам бы хотелось так же работать на сцене — с той же отдачей, говорить так же ярко, с абсолютной искренностью. Это необходимо любому театру, молодежному — особенно. Мы ставим перед собой задачу сделать свой театр — театром проблемы, ярким, публицистическим, не сюсюкающим и не боящимся, что зритель не поймет или обидится. Со спектакля «Прищучил» у нас зрители, например, уходили. Действие в спектакле очень напряженное, чувства обижены, и все происходит в малом пространстве, с глазу на глаз со зрителем. Не все нас поняли и после мы высказывали недовольство.

Но знаете, это нас не обескураживает. Мы учимся говорить обо всем честно и прямо, и наши спектакли — в какой-то мере воспитание актера и зрителя, попытка создания атмосферы открытости и доверия.

Ну и, кроме того, в нашем театре не должно быть скидок на то, что это для нас не профессия, увлечение. Игра на сцене должна быть профессиональной. Вот почему сейчас решается вопрос о наборе учебной студии из учеников 8—9 классов. Лена Горинштейн и Саша Геранин будут обучать новичков актерскому мастерству. Ведь для того, чтобы выйти на сцену, нужно иметь запас прочности.

«Запас прочности», он нужен не только новичкам, всему театру. Поэтому сейчас мы поговорим о том запасе прочности, который есть в багаже театра-студии «Круг».

— Сначала, вероятно, следует назвать брешь, которую предстоит заделать, — это постоянная смена состава. Студенты оканчивают пединститут и разъезжаются по направлениям, а студия остается голой. Уходят-то лучшие силы. Поэтому учебная студия нам нужна еще и для того чтобы воспитывать актерский резерв.

А сила наша в том, что наш театр — коллективный. Все спектакли рождаются совместными

усилиями. Так, сценария спектакля «Барьер» не существовало, мы его писали сами. Но прежде обсуждали повесть — нужно было решить, какая мысль для нас главная.

А повесть очень насыщена, в ней можно проследить несколько линий. Неизвестные возможности человеческой психики. Тема созвучности личности и творчества...

«Нерв» и «Нервы» вокруг «Нерва». Ребята изучали литературу о В. С. Высоцком, встречались с его друзьями в театре на Таганке, собирали слайды, затем выступлений в спектаклях по радио. Нужно было как-то сориентироваться в этом потоке информации, отобрать самое-самое, чтобы слово достигало цели, и зрители увидели того поэта, актера, человека, которым знают и любят его. Было

ТВОРИМ

ПРАВО НА

ЭКСПЕРИМЕНТ

Юному зрителю в Чите явно не везло — последние несколько лет театр юного зрителя существовал в основном на бумаге.

Этой весной принято решение передать подмочителю театра юного зрителя театру-студии «Круг» пединститута. Ответственность немалая. Сумеют ли самостоятельные актеры оправдать доверие?

Сегодня наш собеседник — режиссер театра-студии «Круг» Михаил ЧУМАЧЕНКО. Мы попросили его рассказать о том, каким он видит будущий театр.

— Мы для себя выбрали иной аспект: человек всегда держит главный ответ перед самим собой. Для нас это самое важное.

Нам нужно было также решить: каким будет герой! По повести Маневу 40 лет, но наш Манев — ровесник нам. Мы играем то, что близко нам всем — мне, Лене Горинштейну, Саше Гафанину, Марине Крutiкиной, другим ребятам и девочкам.

И поэтому наш Манев несколько иной, чем в повести. При обсуждении Лена Горинштейн сказала, что Маневу музыка не нужна. Так у нас в спектакле появился дирижер, который дирижирует в финале, а музыки нет. Саша Гафанин высказал мысль, что герой повести спорит сам с собой. Отсюда у нас в спектакле герой играют два актера, по принципу яплохой — хороший человек. Рождается двойник героя. Один Манев отстаивает свою правоту, другой не убежден до конца. Игорь Лавлинский утверждал, что в повести идет речь о гибели творчества. И разве наш Манев такой, каким мы его видим, способен еще творить? Нет.

Коллективный спектакль. Это можно сказать и о других работах студии.

Мне довелось быть сандетелем юго, как рождались спектакли

несколько вариантов спектакля. Первый посвящался памяти поэта. Зритель слушал лучшие песни Высоцкого, а на экране мелькали слайды. Во втором варианте со зрителем вел диалог ведущий, говоря о той боли, что вечно жила в душе поэта за свою землю, за погибших на войне, о высокой и светлой любви.

Но в последнем варианте спектакля «Нерв» студии отказались и от этого хода. В основу легли стихи Высоцкого, и разговор шел о роли художника, о том, что только те стихи живы, что идут от сердца, оплачены кровью и жизнью.

Спектакль «Нерв» — эксперимент. То же можно сказать и о «Барьере». Отсутствие сценария, необорудованная сцена — спектакли студии «Круг» идут в актовом зале пединститута, сразу после лекций — ставиле перед студийцами почти неразрешимые трудности. Как, например, показать полет Доротеи и Манева! Выбросить сцену полета, пропадет идея повести... Ребята осуществляют полет «за кадром», а Манев номер два (А. Гафанин) пытается передать ощущение, охватывающее его героя. И ему — верный! Потому что в этом спектакле полет не просто фантастическая идея, а путь одного чело-

века и другому, способность понять, совершить, любить.

Театр-студия «Круг» не боится экспериментов. А смелый поиск всегда интересен. И все же меня не оставляет в поиске фраза стихотворца: эксперименты — это безлезнаго роста. Желание познать себя на вымышленных спектаклях. На Высоцкого пойдут, хотя бы из-за песен. «Барьер»! Повесть нашу-мела...

— Мы работаем над тем, что нам интересно. Говорим со зрителем о тех проблемах, что волнуют нас сегодня, в этот момент. А эксперимент — это всегда было преимуществом молодежного театра. И, кстати, благодаря эксперименту родилось много хороших начинаний. Студенческие театры часто ютились в тесных помещениях. Поэтому спектакли получались камерные, для немногочисленных зрителей. Эта форма работы показала интересной театру, так родилась малая сцена.

Другое дело, что эксперименты делятся на реальные или нереальные. Мы стараемся ограничивать себя в рамках первых.

В «Двух стрелах» мы пытались найти более плотный контакт со зрителем — актеры появляются из зрительного зала. Мы подчеркиваем мысль: такая же ситуация может быть и с вами. С любым — посторонним здесь нет...

Или другой экспериментальный ход: в каждом спектакле мы пытаемся найти своих незримых помощников, которые бы воздействовали на ассоциации. Цвет, музыка, стихи у каждого вызывают свои ассоциации и работают на спектакль.

В спектакле «Прищучил» мы сделали попытку ввести зрителя в свой круг, как бы заключили своеобразный договор об игре: зритель знает об опасности, но знает и то, что она условна.

Маленькие эксперименты в наших спектаклях —новременной подход и костюмам и подбору опять женовременной музыки, то есть это еще раз подчеркивает мысль —идеи не уничтожаются. Каждое поколение должно само за себя решать все вопросы.

Со студийцами и режиссером студии «Круг» мы знакомы не первый год. Студия переживала и пору подъема, и трудности. И в зависимости от этого менялся взгляд режиссера на то, чем для него является студия: «Общение с друзьями. Только общение»; «Возможность говорить со сценой о том, что волнует».

Сейчас ответ иной: «Театр меня захватывает целиком. Это — труд, это — моя жизнь».

— А значит, пришла пора говорить не о студии, о театре.

И. КОЛЕДНЕВА.